

Зайдите в видеосалон на Арбате. Зайдите, и вы увидите, что взять на вечернюю любую сцену о похоронах Анжелики не так-то просто. Этого кинотеатра-памятник давно никто не просматривает. Может, так только у нас — за название более актуальных и сексуальных картин? Отмой. В Франции этим летом все пять серий, называемых наивысшим вторником по «ТФ-1», собрали многочисленную аудиторию, уверяет журнал «Пари-матч». Четвертый экран — спас для кино немножко, но, видимо, было в Анжелике что-то, заставляющее публику бояться выставлять длинные очереди кассы кинозалов, в зрителях наших дней видеть в актрисе Мишель Мерсье то же чувство юношеским, которое, увы, подстарелись в бурных десятилетиях жизни. «Пари-матч» взял интервью у актрисы, которая мы предлагаем нашим читателям.

— Госпожа маркиза, можете ли вы сказать, что живете благополучно сейчас?

— Сегодня да. У меня появилось спасение. Я снова на исходном рубеже. И вновь делаю карьеру. Частично себя хорошо, все идет хорошо. Я раньше не жила прошлым. Но старость — это не моя любимица чайка, хотя я была и счастлива, и богата, и знаменита. Сейчас ничего этого нет. Потом... Потом... Вы знаете эту песню. Разочарование в завтрашнем дне не беспокоит меня. Я больше не катаюсь на русских горках, но вижу жизнь в розовом цвете.

— После того как вы появились на экране?

— Решила вернуться к съемкам, я заставила себя отыскать после нескольких лет счастья, и забыть о любви. Пришлось от всего отказаться, уехать и жить в Риме ради прекрасных глаз итальянского принца, который считал, что произошел от двух отцов. Я пошла за него Жана, плавая в море спокойствия и благополучия. Но бессонные ночи двух беззубых лет счастливой жизни все же развели нас с стороны по причинам, очень склонным для того, чтобы о них рассказать. Я уцелела, но мне пришлось сразу же испытать полосу бед. Из-за продюсеров, которые мне не платили. Из-за фильмов, в которых я снималась и которые сковывали мою жизнь. Из-за мужчины, который ушел. Из-за друзей, которые меня предали. Из-за отношений, которые меня расстали. Сегодня я вспоминаю об этом как о чем-то забытом, ибо главы, такие грустные в моей жизни, сегодня уже закончились. Занавес! Я не хочу, чтобы они

Интервью с маркизой ангелов

вперед отнимали у меня время и энергию.

— Кинематографическое приключение Анжелики [на потоку мы, вероятно, походим характером] никогда не заканчивается и будет все всегда сопровождать!

— Смирившись с этим, я все же хочу жить своей жизнью. Не проглатывая первые лет после выхода фильмов об Анжелике и испытывая потребность освободиться от стереотипа. Боялась слиться с Анжеликой в действительности. Все, и Робер Оссей, которому я поклонялась, искали свое избавление от своих кинематографических образов. Прошло время, все определилось, и я приняла Анжелику в свою обычай. Как младшую сестру.

— Если публика вас так любит, считает вас легендарной актрисой и объектом поклонения, но неизвестна ли вам, что Анжелика и Мишель Мерсье не родственницы?

— Публика, конечно, чувствует сходство между нами. И часто идентифицирует меня с Анжеликой. Это и внешность, и внутренние признаки. Я хорошо знаю и себя, и Анжелику и могу сказать, что одно важное качество у нас схоже — эмоциональность. Постоянно действующие эмоции. Я знаю, что всегда могу впасть в состояние неописуемой нежности, взорваться гневом, разрываться от жалости. И вы знаете, в очень редкий раз, что на этой земле сердце никогда не давал мне покоя.

— Анжелика — плод фантазии творчества. А фантазии часто рисуют кошмары. Нет ли в Анжелике чего-то, что заставляет вас испытывать ужас?

— Нет, наоборот. Она мне часто помогает в жизни. Из всех стран Европы я продолжала получать письма с ободряющими и словами любви. И это делится уже четвертый век. Письма присыпают разные люди: Джейн Фонда, которая узнала обо мне, увидев моё изображение на прокладках виниловых, из которых стреляли во Виттмана (что, между прочим, меня не радует), занятые фотографии лица из Советского Союза, которые приглашают меня в Москву и хотят посетить меня фестиваль. Думается, что мне уже никогда не придется с Анжеликой. Да и сама этого уже не могу и не хочу делать. Она — мое слабое место. Но она — мое счастье.

Публикацию подготовил А. БУДЕННЫЙ.

● Мишель Мерсье в роли Анжелики.

● Анжелика сегодня — 45 лет.

Фото из журнала «Пари-матч».

ЭХО РОДНЫХ ГОЛОСОВ

Профессор Виктор Порфирьевич Петров в саду чистоты стал у пыльного гостиничного окна, глядя на то, как на город наползают смерти. Русские по рождению, иностранцы по восприятию, «из духовных лиц» по происхождению, российский писатель по духу, американский ученик по профессии, бродяга по натуре, он в свою 82 годь впервые приехал на родину предков. За свою долгую жизнь, вполне неожиданные повторения приключений, сменяя множество занятий. В конце двадцатых годов, окончив юридический факультет русского университета в Харбине, Петров отправился на юг Китая в поисках работы. Несмотря на диплом в кармане, приходилось брататься за любой труд: работал репортером американской газеты, телограниителем японского генерала, музыкантом китайского военного оркестра. Летом отправлялся в Монголию, где становился обездвиженным душой, табуны которых во том перегоняли по странам — в Шанхай. Петров прожил в Китай 33 года и около полу века — в Америке. Воспоминания далеких лет трогают едва заметной улыбкой губы моего собеседника. Он рассказывает:

— Прекрасно помню начало первой мировой войны, когда из Харбина уходили на фронт замурованные батальоны и пограничная стража на низкорослых монгольских лошадях. Помню начало Февральской революции, как солдаты стали свободно бродить по городу, перестали отдавать честь. Беспорядки. Первые убитые в стычках. Помню, как в соборе отпевали офицеров.

Харбин был русским городом. Русские служащие КВЖД жили там, как только можно было мечтать. Все, начиная от начальника дорожной инспекции, жили в отдельных каменных домах. Получали по сравнению с другими регионами высокое жалование. Работали немногим — с девятью до двух. В городе существовали русские школы всех степеней, в которых я учился. Университет появился позже — уже после Октябрьской революции, когда в Харбине кипела поток беженцев — эмигрантов из большей винской России. Моя учительница по юридическому факультету Калифорнийского университета была крупным юристом, деревоэлектриком России. Например, профессор Розеновский, профессор Устрилов — идеальный юрист «семи новохеховцев», профессор Данил.

А в литературу я пришел через журналистику. Пока я жил в Китае, то писал боль-

ше беллетристические произведения. Перебравшись в Америку, пошел учиться за ново, получил дипломы: бакалавра экономики, магистра истории и доктора географических наук. Тогда я и начал писать научные монографии на английском языке.

Самые популярные из них — это страноведческие книги о Китае и Монголии. Позже я вновь вернулся к беллетристике. Написал трилогию об Алиске, сконструированную интерес на историю русской Америки. В основе цикла о русском присутствии на севере материки лежит романтический сюжет, однако основан он на точных документальных данных. «Камергер дворца» — вторая книга цикла — это история

материалы свадьбы в языке, который я рисовал на бумаге.

Русские оставили там не только инвентарь и скот, но посыпали семена русской культуры среди индейцев со седых племен. До сих пор исследователи обнаруживают в лексике индейцев слова, в которых можно проследить их русское происхождение. Кроме описания жизни русских в Америке, я написал также книгу о русских в Китае, которая весьма популярна среди «бывших русских», — «Город на Сумагре». В ней описывается вся история русского прошения в Маньчжурию и жизнь в ней русских поселенцев до 1945 года.

Основные документы — это архивы православной церкви, в том числе церковные кни-

ги и метрики. Но есть там и судовые журналы. В том числе бортовой журнал капитан-лейтенанта Лисинского.

В Сан-Франциско действует замечательный русский центр, при котором создан Русский музей. В нем выставлены не только изобретения русских учёных, но и экспонаты, связанные с историей русской армии: знамя, ордена и медали. Там же и архив русских государственных деятелей.

Все знаменитые учёные, нашедшие приют на чужбине, передали свои материалы в «Архив русской революции». Это богатые архивы, которые дают представление о том, что происходило в России накануне революции, во время гражданской войны. Особенно они интересны, потому что это были взяты с другой стороны. Но будет ли молодежь — теперь уже старшее поколение — интересоваться наследием своих предков? Сохранят ли они это — вот что не дает мне покоя. А ведь это тоже, хотя и зарубежная, но Россия, беженно сохранившая свою культуру и традиции.

Иногда задаю себе вопрос: можно ли пронести столько лет вдали от России и продолжать считать себя русским? То, что помогало нам, тогда еще совершившему молодым людям, — это мечты о возвращении, уверенность в том, что рано или поздно мы вновь обретем свою родину.

Когда я приехал в США, то как-то сразу заинтересовалась историей селения Форт Росс в Калифорнии. Фактически это история семьи последнего правителя форта из русского журналиста Александра Ротчика и его жены, урожденной Елены

Гагариной, также рожденной в романтическом ключе.

Русские оставили там не только инвентарь и скот, но посыпали семена русской культуры среди индейцев со седых племен. Известно, что Александр I назначил начальником экспедиции не его, а князя Николая Резанова. Это вызвало обиду у Крученщера, и он обругался на Резанова, что, между прочим, меня не радует.

Кроме описания жизни русских в Америке, я написал также книгу о русских в Китае, которая весьма популярна среди «бывших русских», — «Город на Сумагре». В ней описывается вся история русского прошения в Маньчжурию и жизнь в ней русских поселенцев до 1945 года.

Основные документы — это архивы православной церкви, в том числе бортовой журнал капитан-лейтенанта Лисинского.

Материалы свадьбы в языке, который я рисовал на бумаге.

Ему сейчас 59 лет. Высокого роста, «крепкого сбитый», с волосами, выразительным взглядом серых глаз. О таких говорят — «стопроцентно кинозвезды» и «один из самых красивых мужчин мира». Дома имеет обширную коллекцию «Оскаров», золотых и серебряных «эммиссов», купленных себе в «Альянсе». Хэммон стал делать все, что по его мнению, должны делать известные киноактеры. Купил себе два «роллс-рояса», участников в головокружительных автогонках, летая на спортивных самолетах.

Однако, из-за отсутствия счастья в жизни, он решил снять фильм о любви и счастье. И это не единственный его проект. Он хочет снять фильм о любви и счастье, и это не единственный его проект. Он хочет снять фильм о любви и счастье, и это не единственный его проект.

Джин Хэммон признался, что

не в состоянии бороться за счастье в попытке какой-нибудь идеи, какая бы коллега Джин Хэммон придала ему значение. Для него это понятие: не просто продолжать сумасшедший кинематограф, а уточнить.

Джин Хэммон признался, что не в состоянии бороться за счастье в попытке какой-нибудь идеи, какая бы коллега Джин Хэммон придала ему значение. Для него это понятие: не просто продолжать сумасшедший кинематограф, а уточнить.

Джин Хэммон признался, что не в состоянии бороться за счастье в попытке какой-нибудь идеи, какая бы коллега Джин Хэммон придала ему значение. Для него это понятие: не просто продолжать сумасшедший кинематограф, а уточнить.

Джин Хэммон признался, что не в состоянии бороться за счастье в попытке какой-нибудь идеи, какая бы коллега Джин Хэммон придала ему значение. Для него это понятие: не просто продолжать сумасшедший кинематограф, а уточнить.

Джин Хэммон признался, что не в состоянии бороться за счастье в попытке какой-нибудь идеи, какая бы коллега Джин Хэммон придала ему значение. Для него это понятие: не просто продолжать сумасшедший кинематограф, а уточнить.

Джин Хэммон признался, что не в состоянии бороться за счастье в попытке какой-нибудь идеи, какая бы коллега Джин Хэммон придала ему значение. Для него это понятие: не просто продолжать сумасшедший кинематограф, а уточнить.

Джин Хэммон признался, что не в состоянии бороться за счастье в попытке какой-нибудь идеи, какая бы коллега Джин Хэммон придала ему значение. Для него это понятие: не просто продолжать сумасшедший кинематограф, а уточнить.

Джин Хэммон признался, что не в состоянии бороться за счастье в попытке какой-нибудь идеи, какая бы коллега Джин Хэммон придала ему значение. Для него это понятие: не просто продолжать сумасшедший кинематограф, а уточнить.

Джин Хэммон признался, что не в состоянии бороться за счастье в попытке какой-нибудь идеи, какая бы коллега Джин Хэммон придала ему значение. Для него это понятие: не просто продолжать сумасшедший кинематограф, а уточнить.

Джин Хэммон признался, что не в состоянии бороться за счастье в попытке какой-нибудь идеи, какая бы коллега Джин Хэммон придала ему значение. Для него это понятие: не просто продолжать сумасшедший кинематограф, а уточнить.

Джин Хэммон признался, что не в состоянии бороться за счастье в попытке какой-нибудь идеи, какая бы коллега Джин Хэммон придала ему значение. Для него это понятие: не просто продолжать сумасшедший кинематограф, а уточнить.

Джин Хэммон признался, что не в состоянии бороться за счастье в попытке какой-нибудь идеи, какая бы коллега Джин Хэммон придала ему значение. Для него это понятие: не просто продолжать сумасшедший кинематограф, а уточнить.

Джин Хэммон признался, что не в состоянии бороться за счастье в попытке какой-нибудь идеи, какая бы коллега Джин Хэммон придала ему значение. Для него это понятие: не просто продолжать сумасшедший кинематограф, а уточнить.

Джин Хэммон признался, что не в состоянии бороться за счастье в попытке какой-нибудь идеи, какая бы коллега Джин Хэммон придала ему значение. Для него это понятие: не просто продолжать сумасшедший кинематограф, а уточнить.

Джин Хэммон признался, что не в состоянии бороться за счастье в попытке какой-нибудь идеи, какая бы коллега Джин Хэммон придала ему значение. Для него это понятие: не просто продолжать сумасшедший кинематограф, а уточнить.

Джин Хэммон признался, что не в состоянии бороться за счастье в попытке какой-нибудь идеи, какая бы коллега Джин Хэммон придала ему значение. Для него это понятие: не просто продолжать сумасшедший кинематограф, а уточнить.

Джин Хэммон признался, что не в состоянии бороться за счастье в попытке какой-нибудь идеи, какая бы коллега Джин Хэммон придала ему значение. Для него это понятие: не просто продолжать сумасшедший кинематограф, а уточнить.

Джин Хэммон признался, что не в состоянии бороться за счастье в попытке какой-нибудь идеи, какая бы коллега Джин Хэммон придала ему значение. Для него это понятие: не просто продолжать сумасшедший кинематограф, а уточнить.

Джин Хэммон признался, что не в состоянии бороться за счастье в попытке какой-нибудь идеи, какая бы коллега Джин Хэммон придала ему значение. Для него это понятие: не просто продолжать сумасшедший кинематограф, а уточнить.

Джин Хэммон признался, что не в состоянии бороться за счастье в попытке какой-нибудь идеи, какая бы коллега Джин Хэммон придала ему значение. Для него это понятие: не просто продолжать сумасшедший кинематограф, а уточнить.

Джин Хэммон признался, что не в состоянии бороться за счастье в попытке какой-нибудь идеи, какая бы коллега Джин Хэммон придала ему значение. Для него это понятие: не просто продолжать сумасшедший кинематограф, а уточнить.

Джин Хэммон признался, что не в состоянии бороться за счастье в попытке какой-нибудь идеи, какая бы коллега Джин Хэммон придала ему значение. Для него это понятие: не просто продолжать сумасшедший кинематограф, а уточнить

ПОИСКИ И НАХОДКИ

СЕНЬЮ 1824 года Пушкин шутливо писал брату Льву Сергеевичу: «Кстати о талии: на днях я мчался поясом с Европой, и талии наши нашлись одинаковы. Следовательно из двух сию: или я имею талию 15-летней девушки, или она талию 25-летнего мужчины». Европа думается и очень мила». Его слова относятся к Европии Николаевне Вульф, дочери приятельницы поэта Пушкина Александровны Осиповой-Вульф, владелицы Тригорского, соседнего с Михайловским имения. Шадровская и жизнерадостная девушка, которую близкие и друзья называли Зиной, принимала участие во всех модернистских шествиях в Тригорском и Михайловском, варила жженку и раздавала ее по бокалам серебряным ковшом. И это товарищеское действо было увековечено Пушкиным в пятой главе «Евгения Онегина».

● Музей-усадьба Тригорское.

КРИСТАЛЛ ДУШИ МОЕЙ...

«Строй рюмок узких, длинных,
Подобно талии твоей,
Зин, кристалл души моей,
Предмет стихов моих невинных,
Любен примицкий финал,

Ты, от кого в пыль былась

Вспомнил Александр Сергеевич и о талии Зине, и о жажде ее, от которой он «пыль былья» в прямом и, вероятно, в ином смысле.

22 февраля 1828 года Пушкин предположил Зине выпавшие в одной книжке четвертую и пятую главы романа с надписью: «Европии Николаевне Вульф от Автора. Твой от твоих». Столкнувшись с посвящением более столетия интригует ученых, высказываются разные о том суждения. Наиболее, смысл пушкинских слов состоит в том: тобой внушило — к тебе возвращается. Зина была твердо убеждена, что Александр Сергеевич писал Татьяну именно с нее.

Позже она часто виделась с Пушкиным, Александр Сергеевич даже засек в имение Бревенки Голубово, близ Тригорского, с мужем Европой — Борисом Александровичем он был хорошо знаком. Последняя встреча Европии Николаевны и Пушкина состоялась 26 января 1837 года, накануне трагической дуэли. Она услышала от него горькую предсмертную исповедь. Позже ее упрекали за то, что она, зная о предстоящем поединке, не предотвратила его. Однако о последнем своем разговоре с Пушкином она хранила глубокое молчание и никому не рассказывала.

Очевидно, ее молчание помогли бы разгадать письма Пушкина к ней. Но их драматическая судьба... Впрочем, обратимся к рассказу женщины-врача, которая лечила дочь Европии Николаевны — Софью Борисовну Бревенскую и приступствовала при ее последних днях. Ее воспоминания записали литератором Л. Гроссман, побывавшим в конце 1920-х годов в Тригорском. «Моя мать... — поведала она врачу, — передала мне о хранении большую пачку писем к ней Пушкина. Она завещала хранить их при жизни, но ни в коем случае никогда и никому не передавать их. О существовании этих писем стало многим известно, и ко мне приезжали ученые, просили меня предоставить им эти старые письма великого поэта и давно ушедшей женщины. Должна сознаться, что эти лица были очень красноречивы и убедительны чувствами, что решение мое слабое. И вот, чтобы не поддаться окончательно их уговорам и не нарушить завет матери, я передала всю пачку писем сожжением»...

Но вернемся к ужасному январю 1837 года. Пушкин увидел своего земного и милого друга такой, какой она запечатлена на живописном портрете, недавно полученному Государственным музеем-заповедником А. С. Пушкина в Пушкинских Горах. Наиболее интересное поступление сюда за последние десятилетие. Не только потому, что знакомит нас с образом одного из самых близких друзей Александра Сергеевича, оставившего значительный след в жизни его и творчестве. Портрет обладает высокими художественными достоинствами, которые позволяют говорить об авторстве... Ну об этом позже.

АНОВА предыдущая судьба прокляния? Она в многое туманила и не ведомо. В двадцатые годы пополнит приобретенный ленинградский коллекционер, художник-дизайнер Василий Дмитриевич Фролов. Приобрел как несомненный портрет Европии Николаевны Бревенской. Но у кого? Кто ему называл имя изображенной молодой женщины? Как фамильная легенда вела к предыдущему ее владельцу? Каникулы путаницы? Увы, ответы на эти вопросы мы очевидно, никогда не получим. А они чрезвычайно важны, ибо портрет не датирован, не имеет авторской подписи, никаких отметок, указывающих на имя художника и прелестной его модели. Нет о портрете документальных и легендарных упоминаний. Правда, Василий Дмитриевич это не смущало, он гордился своим приобретением, показывал его любому, кто этого желал.

Как-то привели к Фролову заведующую музеем в Тригорском Галину Федоровну Синакину. И портрет поразил ее. Она договорилась с Фроловым об экспонировании картин в своем музее. Но дело затянулось, между разные формальности. Затем портрет попал на выставку произведений изобразительного искусства из частных коллекций, которая проводилась в Ленинграде, в Центральном выставочном зале (б. Манеж), и привлек всеобщее внимание. Полотно оставляли потомки Европии Николаевны и удостоверяют изображенную на нем Галину Федоровну установи-

стинные же клады попадают в музей не из мифических подземелий, для их поисков не нужны старые засекреченные карты и острые застуки. Так, недавно Государственный Эрмитаж передал икону пушкинскую реликвию — икону «Спас Нерукотворный», которая, по преданию, принадлежала славному предку Александра Сергеевича — Абрахаму Петровичу Ганибальу. А тому икона была подарена самим Петром Первым, когда тот возвратился в Россию после обучения в Франции. Ныне «Спас Нерукотворный» находится в большом зале усадебного дома Ганибалов в Петровском, также являющегося музеем.

К далеким временам относится и пресс-парти, изготовленное из сосновых, некогда стоявшей «на границе владений дедовщины» и доисторической приязнительной поэта. Но ее сломало бурей, и сын Александра Сергеевича Григорий сделал из сосновых несколько таких предметов, украсивших их металлическими пластинками с выгравированными пушкинскими строфами. Раздал их близким своим и друзьям в память отца. Вот одна из них поступила из ленинградского собрания Лебединых и экспонируется в Михайловском, откуда ушла в свое неведомое странствие и куда наверное возвратилась.

Так же, впрочем, как и вазочка для перьев, изготовленная из дерева и пальмы-маше. Изящная и милая вещица. Как полагают, она принадлежала Пушкину. Затем ее вдове Наталье Николаевне дарит ее историку и журналисту П. Бартеневу. От того неизвестных путей она попадает к москвичке Е. Сидоровой, от нее — в Михайловское, в комнату Александра Сергеевича.

...А вот элегантный ящичек с дуальными пистолетами, изготовленный

ИСКУССТВО Наталья Нестеровой и Лазаря Гадаева требует длительного поиска. На выставке в Центральном доме художника СХ СССР в Москве ощущалась неподобранность тишины, все звало к свету промышленности. Живописные скульптурные образы отрывали вас от сущности, ваши помыслы обращали в цельность, и вы погружались в мир душевных переживаний.

В произведениях — художническая сила, выражавшаяся в умении в трудные десятилетия сохранять свое.

Они учились в 60-е годы в Москве, в Художественном институте имени В. И. Сурикова; у них среди общих учительниц — прекрасная художница Д. Жилинская. Н. Нестерова закончила мастерскую А. Грица, сумевшего выпустить самые разные мастерские живописи. Л. Гадаев по сей день любит А. Матвеева. Художники, первые выставлявшиеся вместе в одной из групповых выставок в Москве в 1977 году. У них есть общие друзья-единомышленники.

Как и более десяти лет назад, в третьяком ажуму в мастерскую Натальи. Я помню первое ощущение от ее картины. Ее душевные струны всегда напитаны. С годами возрастала значимость Н. Нестеровой в нашей художественной жизни, выражавшейся в том, что молодые стали бездумно подражать ей, так равно ставшей зрелым мастером.

В 70-е годы мало что оставалось от былого оптимизма шестидесятников. С годами и многие другие, она умело играла и картина, замыкаящие действие. Она обратилась к языку иносказаний, к созданию неких символов. Постепенно веселый сталность отстраненный характер. Под карнавальными масками оказались безжизненные и одинаковые скрипичные лица. Стеснутая и сдавленная жизнь налила волнистое в контрастном пространстве холста, в глубине

ВЫСТАВКИ

Безмолвие

ной живописной стихии, в особой цвето-световой среде, в сознательности воздуха, так не хватавшего в жизни.

Она создала своеобразные натюрморты композиции. С 1985 года ее картины наполняются еще более осознанными панорамными видениями: в диалоге «Сочетия» есть внутренняя гармония героя с окружающим миром на ландшафте, в московском метро («Станция метро») с его неподражательностью до философского обобщения. «Игра с птицами» не всегда бесплата, иногда глаза клюют глаза. Он — самывает «большим поэтом». Он сохранил спасительный добрым юмором, который — от жизни драйвовой земли. Он центрирует теплоту камня, стремится пруможить это тепло, когда из глыбы создает произведение. Поразительная властивость, трогательная аргументация сочетаются в его композициях с тревогой ХХ века — отсюда нерв его искусства.

Современность открытия данной выставки очевидна: порадует не только чистотой изображения от множества увиденных скульптурных композиций. Я попала в театр, в котором ранее никогда не была. Он — главное действующее лицо: музественно красив, похож на орла, полон достойного честолюбия, предан дружинам. Я побывала в стране, которой никогда не видела, — в сказочно суровой Осетии, где родился и сформировался не только художник, но и мир его образов. В беззумных диалогах его произведения — отзываются картины сказаний. Я увидела образы национальных героев, ощутила чистоту символов, созвучных народному эпосу.

Т. ЮРЬЕВА.

О ТОВАРИЩАХ ПО ПРОФЕССИИ

Киевское издательство «Мистецтво» выпустило сборник статей, выступлений, писем, воспоминаний известного мастера украинской сцены народного артиста СССР, лауреата Государственной премии СССР, профессора Леси Сердюка.

На страницах этой сравнительно небольшой по объему книги читателям встречаются с современниками автора, многие из которых давно уже стали легендами: Леся Курбас, Иван Марьяненко, Валентин Чистяков, Александр Довженко, Амвросий Бучма, Марьян Крушельницкий, Василь Беклемишев.

Недавно ушедший из жизни ревнинка века Лесь Иванович Сердюк в детстве и юности был свидетелем триумфа театра украинских корифеев: он видел на сцене Марину Заньковецкую и Миколу Садовського. А в зрелые годы имел счастье общаться с лучшими мастерами советской сцены. До последних дней жизни в течение многих лет Л. Сердюк охотно передавал свой богатый опыт новым поколениям.

Б. ПОЮРОВСКИЙ.

Любите ли вы советскую оперу?

Отчаянные попытки оперных театров привлечь внимание к советской опере настолько неудачны, что практика вспоминает о чисто украинской опере. Исключительная судьба Московского музыкального камерного театра лишь подтверждает это правило. Волей-неволей задумавшись — в нее превращены ли достоинства советской оперной музыки.

«Мы хотим пробудить у людей интерес к советской опере, хотя понимаем, что это безумно трудная задача, — говорит художественный руководитель и главный режиссер недавно созданного театра-студии «Композитор» Н. Кузнецова. А в зрелые годы имел счастье общаться с лучшими мастерами советской сцены. До последних дней жизни в течение многих лет Л. Сердюк охотно передавал свой богатый опыт новым поколениям.

В фестивале примут участие ленты разных видов и жанров, всего около двух десятков. Программа еврейского кинофестиваля в Советском Союзе еще будет уточняться и добавляться с нашими партнерами из АСК. Могу сказать одно: это будут лучшие программы еврейского кинофорума, которые с 1981 года регулярно проводятся в США и других странах. Гости приезжали в Москву по приглашению Американо-советской киноинициативы (ACK).

— Для того чтобы договориться о сотрудничестве с ACK и договоренности о проведении такого кинофорума в СССР — большое событие в деятельности Фестиваля еврейских фильмов и вообще в области культуры, — сказал директор Фестиваля Е. Сидорова.

— Для того чтобы договориться о сотрудничестве с ACK и договоренности о проведении такого кинофорума в СССР — большое событие в деятельности Фестиваля еврейских фильмов и вообще в области культуры, — сказал директор Фестиваля Е. Сидорова.

— Для того чтобы договориться о сотрудничестве с ACK и договоренности о проведении такого кинофорума в СССР — большое событие в деятельности Фестиваля еврейских фильмов и вообще в области культуры, — сказал директор Фестиваля Е. Сидорова.

— Для того чтобы договориться о сотрудничестве с ACK и договоренности о проведении такого кинофорума в СССР — большое событие в деятельности Фестиваля еврейских фильмов и вообще в области культуры, — сказал директор Фестиваля Е. Сидорова.

— Для того чтобы договориться о сотрудничестве с ACK и договоренности о проведении такого кинофорума в СССР — большое событие в деятельности Фестиваля еврейских фильмов и вообще в области культуры, — сказал директор Фестиваля Е. Сидорова.

— Для того чтобы договориться о сотрудничестве с ACK и договоренности о проведении такого кинофорума в СССР — большое событие в деятельности Фестиваля еврейских фильмов и вообще в области культуры, — сказал директор Фестиваля Е. Сидорова.

— Для того чтобы договориться о сотрудничестве с ACK и договоренности о проведении такого кинофорума в СССР — большое событие в деятельности Фестиваля еврейских фильмов и вообще в области культуры, — сказал директор Фестиваля Е. Сидорова.

— Для того чтобы договориться о сотрудничестве с ACK и договоренности о проведении такого кинофорума в СССР — большое событие в деятельности Фестиваля еврейских фильмов и вообще в области культуры, — сказал директор Фестиваля Е. Сидорова.

— Для того чтобы договориться о сотрудничестве с ACK и договоренности о проведении такого кинофорума в СССР — большое событие в деятельности Фестиваля еврейских фильмов и вообще в области культуры, — сказал директор Фестиваля Е. Сидорова.

— Для того чтобы договориться о сотрудничестве с ACK и договоренности о проведении такого кинофорума в СССР — большое событие в деятельности Фестиваля еврейских фильмов и вообще в области культуры, — сказал директор Фестиваля Е. Сидорова.

— Для того чтобы договориться о сотрудничестве с ACK и договоренности о проведении такого кинофорума в СССР — большое событие в деятельности Фестиваля еврейских фильмов и вообще в области культуры, — сказал директор Фестиваля Е. Сидорова.

— Для того чтобы договориться о сотрудничестве с ACK и договоренности о проведении такого кинофорума в СССР — большое событие в деятельности Фестиваля еврейских фильмов и вообще в области культуры, — сказал директор Фестиваля Е. Сидорова.

— Для того чтобы договориться о сотрудничестве с ACK и договоренности о проведении такого кинофорума в СССР — большое событие в деятельности Фестиваля еврейских фильмов и вообще в области культуры, — сказал директор Фестиваля Е. Сидорова.

— Для того чтобы договориться о сотрудничестве с ACK и договоренности о проведении такого кинофорума в СССР — большое событие в деятельности Фестиваля еврейских фильмов и вообще в области культуры, — сказал директор Фестиваля Е. Сидорова.

— Для того чтобы договориться о сотрудничестве с ACK и договоренности о проведении такого кинофорума в СССР — большое событие в деятельности Фестиваля еврейских фильмов и вообще в области культуры, — сказал директор Фестиваля Е. Сидорова.

— Для того чтобы договориться о сотрудничестве с ACK и договоренности о проведении такого кинофорума в СССР — большое событие в деятельности Фестиваля еврейских фильмов и вообще в области культуры, — сказал директор Фестиваля Е. Сидорова.

— Для того чтобы договориться о сотрудничестве с ACK и договоренности о проведении такого кинофорума в СССР — большое событие в деятельности Фестиваля еврейских фильмов и вообще в области культуры, — сказал директор Фестиваля Е. Сидорова.

— Для того чтобы договориться о сотрудничестве с ACK и договоренности о проведении такого кинофорума в СССР — большое событие в деятельности Фестиваля еврейских фильмов и вообще в области культуры, — сказал директор Фестиваля Е. Сидорова.

— Для того чтобы договориться о сотрудничестве с ACK и договоренности о проведении такого кинофорума в СССР — большое событие в деятельности Фестиваля еврейских фильмов и вообще в области культуры, — сказал директор Фестиваля Е. Сидорова.

— Для того чтобы договориться о сотрудничестве с ACK и договоренности о проведении такого кинофорума в СССР — большое событие в деятельности Фестиваля еврейских фильмов и вообще в области культуры, — сказал директор Фестиваля Е. Сидорова.

— Для того чтобы договориться о сотрудничестве с ACK и договоренности о проведении такого кинофорума в СССР — большое событие в деятельности Фестиваля еврейских фильмов и вообще в области культуры, — сказал директор Фестиваля Е. Сидорова.

— Для того чтобы договориться о сотрудничестве с ACK и договоренности о проведении такого кинофорума в СССР — большое событие в деятельности Фестиваля еврейских фильмов и вообще в области культуры, — сказал директор Фестиваля Е. Сидорова.</p

ЛЮДИ ИСКУССТВА

В СТАРА-ЗАГОРЕ — центре болгарской промышленности, что раскинулась между Бургасом и Софией, молдавским артистом — постарчался цыган с пылью от седины гривой и со скрипкой под мышкой. Цепеня взглядом тот выделялся в толпе чужаков и, ткнув кирзовым пальцем, спросил:

— Кто?

Ему покинули, что она молдавская опера, приехали сюда на фестиваль и что у них на счете все олд-райт.

— Молдавия? — задумался цыган со скрипкой.

Пальцем в небо ему нарисовали карту, обозначили на ней Черное море, Софию и Кишинев, цыган, понятно заявив, выступил из-за голенища смайчик и сыграл на скрипке что-то лаутарское. Это было прелестно. К концу гастроли он сам отыскал артистов, теперь уже ничего не расспрашивал, а, красочно отставив ногу, исполнил им свойственный сочинениям невообразимо лихие популярные спектакли кишиневцев. Скрипка была плонховой, звуки парализовали, но артисты слушали зачарованно и, не говоря вслух, думали об одном: счастлив край, в котором опера посещают такие люди из табора.

— Да-да, — блескнул хоть и не по этому поводу Мария Бнеску, — нет лучше ценителя, чем родной зритель. Он беспристрастен, потому что голосует за тебя билетом. Всё же пишущие, играет за нас словесами...

На прессу ничье сетуют не сажут, даже примадонны. Однажды и я утверждал, что Кишинев — город не театральный, хотя и столичный. Тот же сперни с его, как утверждаю местные патриоты, второго по размерам сценой. Умы, азиатская практика не знает, и умру, всякая приметная не только лидерами, тут ни при чем. Не стану винить и билетеров. Повинна система, что десятилетними приспособилась не только в экономике, но и искусстве тоже. Из поколения в поколение местного артиста, добродушного и на эмоции быстрого, ищащего хлеба и зерна, кормили до суты одинак и тем же. Мой друг, молдавский романист Серифим Саха, называл эту пищу коротко и ехмо — «жомизацией»: все весело и радостно, тра-ла-ла. Конечно, нужно и фольклоризированный бурлеск, но, склоняется же, в разумной пропорции. Здесь же при общих названиях театров, от детского до академического, налипает сцен «лев» и «прав», или в пустыне ремонта. Беда даже не в этом, а в том, что зритель отыскивает, но не о нем, аргумента тем, кто им измолят. Речь об ником долге — о внутреннем...

При чем здесь зритель? Таксист, что привез опоздавшего артиста и подъездом театра, из вежливости спросил, что готовится. «Верди!», — отвечал артист. Водитель опять же изуважения, отчитываясь, что готовится. «Верди!», — задумался артист. Он беспристрастен, потому что голосует за тебя билетом. А как же? «Верди» — по-молдавски «зеленый». Разве не наш? В чем винит рабочего человека, что желает вступить в родину самого Джузеппе?

Хватит обвинять. Давайте винить в самих себе...

Обижаться на пишущих у Марии Лукьяниной основания не было. Ее походя обидели. Обидели, того не замечая. Обижали невниманием и раньше, но теперь эти разы складывались в систему, и оттого залило свет. Пора было бы и привыкнуть: телекуристик на нее и заговорил о колокольчиках, что звучат да звучат. Вот, дескать, и не в депутататах уже, да и молодежь

СЛУЖЕБНЫЙ ВХОД

голосистая подпирает. Солист что-то возразил, но как-то неуверенно и неспокойно, и это тоже обидело. Ему бы, как в роли, сорвать с руки белую перчатку и швырнуть обидчику в ноги, но и роли не сыграл, да и удара не отказалась. Такое в ее правила никогда не входило. Поступ в зале триста, даже двести, но и для этих двухсот нынешний день — праздник, и ее шум в залах такому празднику не в помеху. В этот раз он был и ее отысканным праздником, и на то были веские причины...

Исполнилось, улыбается она, тридцать лет. Тридцать лет сцены. Тридцать лет, как она впервые пришла на сцену через служебный вход. Тридцать лет праздника, что всегда был с ней и интерес не стал. Когда придет интерес, знала она, придет конец искусству — и поистине отозвутся колокольчики.

И этот праздник, что поминала лицо она, был для нее потрясением, сном, и она пригласила на спектакль своих, о которых никогда не забывала, — волонтироиников. В зале сидели машины и еще два председателя — колхоза и сельсовета. Ее председатель из Волонтироинки — села, в котором она жила.

Мама была ее наипервым, задолго до афин, зрителем и ценителем. Девчонкой она собрала с соседних дворов ровесниц, нарядила в одинаки из сундука и устроила сцену на сенинке в саре. Сенинка в конце концов обрушилась, и машины, аплодируя не по тому месту, говорила ей:

— Не делай, что не умеешь... помни лучше быть первым на селе, чем последним в городе... Не твое — не берись...

Урок в минуту, что длился во сутки дела всю жизнь...

Мама слышала, что дочка поет, слышала сердцем и душой, но опять же сердцем и душой слышала и страшась, что дочка решится от-

личительное подтверждение. Таблетки не помогали, и даже голос, как показалось, стал садиться. От спектакля она не отказалась. Такое в ее правила никогда не входило. Поступ в зале триста, даже двести, но и для этих двухсот нынешний день — праздник, и ее шум в залах такому празднику не в помеху. В этот раз он был и ее отысканным праздником, и на то были веские причины...

Исполнилось, улыбается она, тридцать лет. Тридцать лет сцены. Тридцать лет, как она впервые пришла на сцену через служебный вход. Тридцать лет праздника, что всегда был с ней и интерес не стал. Когда придет интерес, знала она, придет конец искусству — и поистине отозвутся колокольчики.

И этот праздник, что поминала лицо она, был для нее потрясением, сном, и она пригласила на спектакль своих, о которых никогда не забывала, — волонтироиников. В зале сидели машины и еще два председателя — колхоза и сельсовета. Ее председатель из Волонтироинки — села, в котором она жила.

Мама была ее наипервым, задолго до афин, зрителем и ценителем. Девчонкой она собрала с соседних дворов ровесниц, нарядила в одинаки из сундука и устроила сцену на сенинке в саре. Сенинка в конце концов обрушилась, и машины, аплодируя не по тому месту, говорила ей:

— Не делай, что не умеешь... помни лучше быть первым на селе, чем последним в городе... Не твое — не берись...

Урок в минуту, что длился во сутки дела всю жизнь...

Мама слышала, что дочка поет, слышала сердцем и душой, но опять же сердцем и душой слышала и страшась, что дочка решится от-

личительное подтверждение. Таблетки не помогали, и даже голос, как показалось, стал садиться. От спектакля она не отказалась. Такое в ее правила никогда не входило. Поступ в зале триста, даже двести, но и для этих двухсот нынешний день — праздник, и ее шум в залах такому празднику не в помеху. В этот раз он был и ее отысканным праздником, и на то были веские причины...

Исполнилось, улыбается она, тридцать лет. Тридцать лет сцены. Тридцать лет, как она впервые пришла на сцену через служебный вход. Тридцать лет праздника, что всегда был с ней и интерес не стал. Когда придет интерес, знала она, придет конец искусству — и поистине отозвутся колокольчики.

И все было бы хорошо, если бы Амонастро не промчался бы стремительно и Амде и локтем не зацепил бы мой развесистый, буйволиного волоса пакля. Тот снялся с заколки и опасно наискосок над бровями, и, кажется, толькоими и ударила тот пакля-скользь от садения на сцену. Потом мне сказали, что я выглядел весьма яко и даже эффектно. «Бо-оме», — прошил я, — спаси от поэзии, а спектакль от срама...

— Что, мужик, — скажет статист в рубище, — сденными ты?

— У никонгто есть свои недостатки и прекуму-щества...

В числе таких же безголосых, как я, были и ображки, измазаны мопилькой и кинут на колени перед троном покорителя. По замыслу режиссера, я стоял в центре побежденных и вращал белыми глазами, изображая непокоренность. Идея пела и пела, пела маме, пела гостям, забыла про катаклизмы на солнце и тревоги, одолевавшие перед спектаклем... — работая.

Мария Лукьянинова выйдет на поклон, ее привычно задают цветами. Цветов — охана, и тут еще бросят букет, что упадет на край рампы. Она подует к нему, и вдруг замякает отсечь ее от сцены и артистов. Такого раньше не было, и она про себя вспоминает: что так? Пусть так, пусть будет так, но артист ничего не должен замечать — ни магнитных буров, на сцене ни во всем кунце гласности...

Через какие-то секунды занавес поднимется вновь, и она с удивлением увидит, что на сцене полукругом выстроится почти вся труппа. И еще стояло ее любимое, всегдашнее кресло из ее гимназии, и тут, среди цветов и ульбок, кресло выглядит троном.

— Мария Лукьянинова, — просто скажет директор... — Мария Лукьянинова, сядите и слушайте...

Группа отмечала ее тридцатилетие, тридцатилетие служебного входа. Она сидела в кресле-троне и боялась заговорить. Мария, вспыхнула в ней, как и тогда, когда она выглядела весьма яко и даже эффектно. «Бо-оме», — прошил я, — спаси от поэзии, а спектакль от срама...

— Господи, — трагическим шепотом, перейдя с итальянского на русский, произнесла Анда.

— А я что здесь делаю? — Вспыхнула вновь, и тут еще раз протянет Биешу, и коротко заслонит меня от зала, встанет на колени и вспомнит мой пакля. И мир сразу станет уютнее и понятнее. Как мало, подумаю я, нужна тебе: чтобы ничего над тобой не нависало. Пусть даже собственного парика.

— Вхожу в материал... — Но в какой, в том и еще не знал...

— Господи, — еще раз протянет Биешу, и коротко заслонит меня от зала, встанет на колени и вспомнит мой пакля. И мир сразу станет уютнее и понятнее. Как мало, подумаю я, нужна тебе: чтобы ничего над тобой не нависало. Пусть даже собственного парика.

— Мария Лукьянинова плачет, не забывает о гимназии. В мире, скажет она позже, должна властвовать добра.

...Мне цветов не дарили. Я сдавал в гимназию для статистов режиссант, смысла раскрасить физиономию и тоже была счастлива. Но мне пришла тема...

В. ЛЕТОВ.
(Наш соб. корр.)
Фото ТАСС.

КОНЦЕРТЫ

Наедине с Шопеном

Когда встречала на афишах имя Олега Башмакова, неизменно возникало желание еще и еще раз услышать этого пианиста. И каждая встреча с ним наполняет счастьем, соприкосновением с искусством, яркого представителя нашей русской пианистической школы — школы К. Неструкова, Г. Нейгауза, В. Сорокинского, создателей отечественной исполнительской культуры мирового значения.

Мне довелось заключить концертогородию, фортификационную фокусы, и заниматься у ученого Г. Нейгауза. Для отца, и слушателей, и гастролеров было интересно послушать паклями из генеральных странностей шопеновской лирики.

И вот — концерт Олега Башмаковича. Монументический концерт — весь вечер звучал Шопен, Большой зал Московской консерватории, переполненный любопытными аудиторами, включавшими профессионалов, любителей, студентов, педагогов, друзей, родственников, писателей, журналистов, генеральных странностей шопеновской лирики.

Пакля, пакля, пакля, и каждый из них — зачинщики поэзии со своим неподражаемым аудиокомаром, со своей драматургией: от звонческих фортификаций, скобок краски, нет, не мантильи, как обычно принято говорить об инструменталистах, а «живой», подчеркивая, живой ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ГОЛОС — *le canto* — так одухотворенно пел роль под паклями Олега Башмаковича.

И вот — концерт Олега Башмаковича. Монументический концерт — весь вечер звучал Шопен, Большой зал Московской консерватории, переполненный любопытными аудиторами, включавшими профессионалов, любителей, студентов, педагогов, друзей, родственников, писателей, журналистов, генеральных странностей шопеновской лирики.

Пакля, пакля, пакля, и каждый из них — зачинщики поэзии со своим неподражаемым аудиокомаром, со своей драматургией: от звонческих фортификаций, скобок краски, нет, не мантильи, как обычно принято говорить об инструменталистах, а «живой», подчеркивая, живой ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ГОЛОС — *le canto* — так одухотворенно пел роль под паклями Олега Башмаковича.

И вот — концерт Олега Башмаковича. Монументический концерт — весь вечер звучал Шопен, Большой зал Московской консерватории, переполненный любопытными аудиторами, включавшими профессионалов, любителей, студентов, педагогов, друзей, родственников, писателей, журналистов, генеральных странностей шопеновской лирики.

Пакля, пакля, пакля, и каждый из них — зачинщики поэзии со своим неподражаемым аудиокомаром, со своей драматургией: от звонческих фортификаций, скобок краски, нет, не мантильи, как обычно принято говорить об инструменталистах, а «живой», подчеркивая, живой ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ГОЛОС — *le canto* — так одухотворенно пел роль под паклями Олега Башмаковича.

И вот — концерт Олега Башмаковича. Монументический концерт — весь вечер звучал Шопен, Большой зал Московской консерватории, переполненный любопытными аудиторами, включавшими профессионалов, любителей, студентов, педагогов, друзей, родственников, писателей, журналистов, генеральных странностей шопеновской лирики.

Пакля, пакля, пакля, и каждый из них — зачинщики поэзии со своим неподражаемым аудиокомаром, со своей драматургией: от звонческих фортификаций, скобок краски, нет, не мантильи, как обычно принято говорить об инструменталистах, а «живой», подчеркивая, живой ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ГОЛОС — *le canto* — так одухотворенно пел роль под паклями Олега Башмаковича.

И вот — концерт Олега Башмаковича. Монументический концерт — весь вечер звучал Шопен, Большой зал Московской консерватории, переполненный любопытными аудиторами, включавшими профессионалов, любителей, студентов, педагогов, друзей, родственников, писателей, журналистов, генеральных странностей шопеновской лирики.

Пакля, пакля, пакля, и каждый из них — зачинщики поэзии со своим неподражаемым аудиокомаром, со своей драматургией: от звонческих фортификаций, скобок краски, нет, не мантильи, как обычно принято говорить об инструменталистах, а «живой», подчеркивая, живой ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ГОЛОС — *le canto* — так одухотворенно пел роль под паклями Олега Башмаковича.

И вот — концерт Олега Башмаковича. Монументический концерт — весь вечер звучал Шопен, Большой зал Московской консерватории, переполненный любопытными аудиторами, включавшими профессионалов, любителей, студентов, педагогов, друзей, родственников, писателей, журналистов, генеральных странностей шопеновской лирики.

Пакля, пакля, пакля, и каждый из них — зачинщики поэзии со своим неподражаемым аудиокомаром, со своей драматургией: от звонческих фортификаций, скобок краски, нет, не мантильи, как обычно принято говорить об инструменталистах, а «живой», подчеркивая, живой ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ГОЛОС — *le canto* — так одухотворенно пел роль под паклями Олега Башмаковича.

И вот — концерт Олега Башмаковича. Монументический концерт — весь вечер звучал Шопен, Большой зал Московской консерватории, переполненный любопытными аудиторами, включавшими профессионалов, любителей, студентов, педагогов, друзей, родственников, писателей, журналистов, генеральных странностей шопеновской лирики.

РЕКЛАМА•РЕКЛАМА•РЕКЛАМА•РЕКЛАМА

Однажды из древнегреческих мифов гласит: Было время, когда все люди были здоровы и счастливы, не зная бед и болезней. За похищение Прометеем огня Зевс отомстил не только мятежному богу, но и людям, для которых огонь был похищен. По его приказу была создана Пандора — женщина в виде богини, коварная и лживая, — и была отдана в жены Эпиметею, Прометееву брату, в доме которого хранился страшный ящик с неведомыми человечеству бедствиями. Его-то и открыла мстительная Пандора, и разлетелись болезни по белу свету — и несть им числа.

Такому обороту не обрадовался даже сам Зевс, но успел захлопнуть крышку, когда на дне оставалась одна НАДЕЖДА.

Именно надежда на исцеление движет человечеством в поисках снадобий и лекарств — желательно универсальных. Алхимики средних веков искали — ни много ни мало — средство от всех болезней — панацею.

На нашей памяти появлялись самые различные средства неортодоксальной медицины: мумие, прополис, мед с уксусом. Скажем определенно:

С БИШОФИТОМ — К ЗДОРОВЬЮ!

ЕДИНОГО СРЕДСТВА ОТ ВСЕХ БОЛЕЗНЕЙ НЕ СУЩЕСТВУЕТ, НО НЕКОТОРЫЕ ПОМОГАЮТ ОТ МНОГИХ

Среди них — средства бальнеологического лечения: целебные воды и грязи, созданные природой. Люди ехали «на воды», «на грязи», многие лечебные минеральные воды прочно вошли в обиход. И вот новое — БИШОФИТ.

БИШОФИТ — ЭТО ГРЯЗЕВАЯ ВАННА НА ДОМУ

Порадуемся за тех, кто не знает, что это такое, но для страдающих дедормирующим артритом, остеохондрозом, болезнью Бехтерева, ревматоидным артритом, пяточными шпорами, миозитом скажем:

БИШОФИТ ЛЕЧИТ ЗАБОЛЕВАНИЯ ОПОРНО-ДВИГАТЕЛЬНОГО АППАРАТА

Тем, кто страдает радикулитом и люмбомицей, перенес травмы периферических нервов, мышечно-дистрофический синдром, невралгию или неврит, сообщаем:

БИШОФИТ ПОМОГАЕТ ПРИ ЗАБОЛЕВАНИЯХ ПЕРИФЕРИЧЕСКОЙ НЕРВНОЙ СИСТЕМЫ

И уж, конечно, к сожалению, никто из нас не

застрахован от травм, растяжений и разрывов связок, бурситов и контрактур суставов. А значит, полезно помнить:

ХИРУРГИЯ — ТОЖЕ ОБЛАСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ БИШОФИТА

Свидетельствует старший научный сотрудник Всесоюзного научного центра медицинской реабилитации и физиотерапии Минздрава СССР В. КИСЕЛЕВ: «В № 6 журнала «Здоровье» за 1987 год сообщалось, что БИШОФИТ — сверхкрепкий бромный хлоридный магниевый рассол с различными микрэлементами, формирующийся в артезианских бассейнах, — применяют в виде ванн при лечении заболеваний опорно-двигательного аппарата. По решению Минздрава СССР проведены испытания в Москве и Пятигорске. Исследования подтвердили:

БИШОФИТ — ЭФФЕКТИВНОЕ ОЗДОРОВИТЕЛЬНОЕ СРЕДСТВО

Исследования проходили с применением современных инструментальных и лабораторных методов обследования пациентов. Они дают основания считать: БИШОФИТ оказывает противовоспа-

лительное, рассасывающее, антиспастическое и сосудорасширяющее действие благодаря наличию в нем магния и микрозлементов, проникающих через неповрежденную кожу при наложении компрессов и втирании. Содержание брома успокаивающее действует на нервную систему. Единственное побочное действие — раздражение кожи при ежедневном применении компрессов, — но ведь чрезмерность в чем бы то ни было — категория скорее этическая, нежели медицинская.

МИНЗДРАВ СССР ИНФОРМИРУЕТ: БИШОФИТ НЕ ВРЕДЕН ДЛЯ ВАШЕГО ЗДОРОВЬЯ

Практически любое новое средство неортодоксальной медицины было очень дефицитным. Вспомним хотя бы мумие. К сожалению, встречаются и встречаются попытки фальсификации — в это уже небезопасно — со здоровьем не шутят. К счастью, такого не случилось с бишофитом.

НОВОЕ ПРИРОДНОЕ БАЛЬНЕОЛОГИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО — БИШОФИТ — ДОСТУПНО ВСЕМ!

За реализацию БИШОФИТА взялся совхоз «Лобачевский» Обливского района Ростовской об-

ласти — разрешение к применению препарата получено от Министерства здравоохранения СССР и Фармкомитета Минздрава СССР.

ВЫ МОЖЕТЕ ПРИОБРЕСТИ БИШОФИТ В СОВХОЗЕ «ЛОБАЧЕВСКИЙ»

Посоветовавшись с лечащим врачом, обращайтесь по адресу: 347148, Ростовская область, Обливский район, совхоз «Лобачевский», Справки по телефонам: 5-41-23, 5-41-17, 5-41-18.

БИШОФИТ ОЧЕНЬ НЕДОРОГИЙ

Что, впрочем, естественно — ведь природа дарит нам свое лекарство — как солнце и воздух. Затраты — только на обработку. БИШОФИТ разливается в посуду вместимостью 0,5 литра. Стоимость одной бутыли — 2 руб. 35 коп.

ПОСТАВКА — В НЕОГРАНИЧЕННОМ КОЛИЧЕСТВЕ СРАЗУ ЖЕ ПОСЛЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРА
...лишь Надежда осталась на дне страшного ящика Пандоры. Она дает человечеству силы в борьбе с бедами и болезнями. Мы далеки от того, чтобы считать БИШОФИТ панацеей. Но будем рады, если он поможет именно Вам, именно в Вашем недуге.

БИШОФИТ — ЕЩЕ ОДНА ВАША... И НАША НАДЕЖДА, ЕЩЕ ОДИН ШАНС, ДАННЫЙ ПРИРОДОЙ!

**НАШ АДРЕС: 347148, Ростовская область,
Обливский район, совхоз «Лобачевский».**

Справки по телефонам:
5-41-23, 5-41-17, 5-41-18

ПОЛОСА ПОДГОТОВЛЕНА РОСТОВСКИМ ФИЛИАЛОМ АГЕНТСТВА СТОЛИЧНЫХ СООБЩЕНИЙ

